

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ev.kamenev@yandex.ru

**«СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ» ДЕКАБРИСТОВ:
ПОВЕСТВОВАНИЕ М. В. НЕЧКИНОЙ О БОРЬБЕ ЧЛЕНОВ СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ
ПРОТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. М. КАРАМЗИНА**

Статья посвящена изучению коннотативных смыслов в повествовании М. В. Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия против исторической концепции Н. М. Карамзина. Об этой борьбе Нечкина повествовала в монографии «Движение декабристов» (1955). Показано, что текст монографии построен по принципу многоярусной семантики: помимо буквального в нем присутствует культурно обусловленный смысл. Культурно обусловленное содержание формировалось благодаря самой форме повествования. Советский историк рассуждал о борьбе членов Союза Благоденствия против исторической концепции Карамзина в рамках дискурса кампании по борьбе с космополитизмом. Дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных советских идеологем и запуск механизмов проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в контекст советской идеологии обеспечивало включение в него коннотативных смыслов. В частности, понятие *декабристский патриотизм* обнаруживает несомненное сходство с понятием *советский патриотизм*, которое было зафиксировано в текстах, изданных в рамках кампании по борьбе с космополитизмом. Типологически совпадая с советским патриотизмом, патриотизм декабристов в рамках советского культурного кода приобретает позитивную коннотацию истинности, а декабристы понимаются как борцы с космополитизмом. Благодаря этому они включаются в рамках советской культуры в категорию «свои». Изучение коннотативных смыслов в работе Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов. Этот образ формировался на основе соединения научного и культурного кодов. Важным инструментом его формирования было использование коннотативных смыслов и проведение интертекстуальных связей.

Ключевые слова: движение декабристов, М. В. Нечкина, кампания по борьбе с космополитизмом, семиотика, интертекст, коннотация

Лингвистический поворот – одно из наиболее заметных явлений в исторической науке последних десятилетий – актуализировал вопрос о способах познания прошлого и о возможных путях его интерпретации [25], [26].

Х. Уайт и Ф. Анкерсмит показали, что историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмысленный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств. Нарративные и дискурсивные стратегии, используемые автором, оказывают влияние на формирование смысла исторического повествования [3], [18]. Другими словами, содержание повествования в исторической науке во многом зависит от его формы [27].

В этом контексте представляет интерес монография М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955)¹. На страницах этой работы конструируется образ декабристов, характерный для советской эпохи. Члены тайных обществ первой четверти XIX века показаны в книге как первые русские революционеры, тесно связанные с российской действительностью, как противники крепостного

права, борцы с самодержавием, сформулировавшие идею цареубийства.

В формировании этого образа не последнюю роль играли не только научные средства, но и сама форма повествования, при помощи которой описываемые события соотносились с прецедентными для советской культуры сюжетами. Благодаря этим корреляциям текст приобретал дополнительную смысловую глубину – помимо научного в нем присутствует еще культурно обусловленный уровень. Выйти на него невозможно без учета того исторического контекста, в рамках которого создавался этот труд.

Современная историография обращает свое внимание, с одной стороны, на изучение научного знания о декабристах. В этом смысле нужно отметить исследования М. С. Белоусова [7], Г. Д. Казьмирчука [25], [26], Ю. В. Латиша [26], А. Н. Цамутали [7]. К числу работ, посвященных изучению эволюции историографических концепций декабризма, относятся исследования Т. Н. Жуковской [10], [11], [12]. С другой стороны, в историографии изучается миф о декабристах [20], [21], [22].

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии коннотативных (культурно обусловленных) смыслов² в повествовании М. В. Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия Михаила Орлова и Никиты Муравьева против исторической концепции Н. М. Карамзина, изложенной им в «Истории государства Российского». Речь об этом идет в 6-й главе («Работа Союза благоденствия (1818–1821)») I тома монографии «Движение декабристов» (1955).

Согласно Нечкиной, декабристы не могли принять историческую концепцию Н. М. Карамзина потому, что она противоречила их патриотическому мировоззрению: «Михаил Орлов, – сказано в монографии, – от лица членов тайного общества выразил совершенно правильную точку зрения, что “издание истории Российского государства есть дело отечественное...”». Именно поэтому движимые “священной любовью к отечеству”, декабристы пошли в бой против реакционной концепции Карамзина» (254). Почему борьба с исторической концепцией Н. М. Карамзина свидетельствует о патриотизме декабристов? Какой семантикой наделен декабристский патриотизм в монографии? Для ответа на эти вопросы рассмотрим, как Нечкина пишет об этой борьбе.

Во-первых, повествование о патриотизме декабристов ведется советским историком в контексте оппозиции норманизм – антинорманизм. Камнем преткновения между членами Союза и Карамзиным была норманская теория, которой придерживался автор «Истории государства Российского». Н. М. Карамзин, согласно Нечкиной, пропагандировал «легенду о призвании варягов <...> создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России» (252, 253). Члены Союза Благоденствия, напротив, считали, что Рюрик был не более чем предводителем военного отряда, призванного новгородцами: «...“шайка Рюрика” была лишь наемным варяжским отрядом, поступившим на службу славян» (252). Этой исключительно военной функцией и ограничивалась роль варяжского князя.

Такая позиция членов Союза позволяет М. В. Нечкиной назвать их патриотами. Именно так охарактеризован, к примеру, М. Орлов, боровшийся с «беспомощными и реакционными вымыслами Карамзина о варягах, якобы создавших русскую государственность и вообще положивших начало истории России» (253): «Революционный патриот и гражданин Орлов стоял на пути к истине, придворный историограф Карамзин уводил от нее читателя» (253).

Во-вторых, Нечкина связывает патриотические чувства декабристов с идеей борьбы против абсолютизма. Декабристы выступили против концепции Карамзина еще и потому, что она утверждала идею самодержавия и являлась идеологической опорой царского трона. Их взгля-

дам противоречило мнение Карамзина, согласно которому самодержавие утвердилось на Руси исключительно мирным путем по воле самого народа: «Карамзин, пропагандируя легенду о призвании варягов, утверждал мирный характер якобы по воле народа укрепившегося русского самодержавия, призванного к власти самим народом» (252). Члены Союза Благоденствия, напротив, «опираясь на обширный фактический материал, утверждали исконный характер древнерусского вечевого строя, издревле утвердившегося на Руси народоправства» (252). Поэтому декабристы как истинные патриоты «решительно отвергали <...> фальсификацию» Карамзина.

В монографии показано, что самодержавие в представлениях декабристов является таким же врагом, как и «татарское владычество». Разница заключается только в том, что ордынцы – это внешний враг, а абсолютизм – враг внутренний. «Никита Муравьев восставал против идеализации Карамзиным “азиатского деспотизма”, признавая законным непрерывное “борение граждан” во имя общего блага. Карамзин идеализировал крепостнические порядки старой России, – Никита Муравьев находил невозможным примириться не только с угнетающим Русь татарским владычеством, но считал, что “еще унижительнее для нравственности народной эпохи возрождения нашего рабская хитрость Иоанна Калиты, далее холодная жестокость Иоанна III, лицемерия Василия и ужасы Иоанна I”» (252). Именно поэтому, согласно мнению советского историка, «Михаил Орлов, как и Никита Муравьев, борясь против ложной норманской концепции Карамзина, боролся против самодержавия» (254).

В-третьих, повествование о борьбе декабристов с исторической концепцией Н. М. Карамзина ведется в контексте понятия, важного для понимания того семиотического кода, в рамках которого повествует советский историк. Это понятие *космополитизм*. Все актуализированные Нечкиной составляющие концепции Н. М. Карамзина – понятия *норманизм* и *самодержавие* – свидетельствуют о космополитизме автора «Истории государства Российского»: «Через ложную схему Карамзина отчетливо просвечивал сухой космополитизм, без колебаний заменивший историю русского народа историей иноземной династии» (254).

Члены Союза благоденствия, таким образом, предстают на страницах монографии как противники идеологии космополитизма, а понятие *декабристский патриотизм* наделяется антикосмополитическим звучанием: «Негодование передового убежденного патриота слышится в вопросах, брошенных Орловым Карамзину в первом же письме: “Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть

беспристрастным космополитом, а не гражданином?» (254).

Нетрудно догадаться, что тот дискурс, в рамках которого Нечкина повествовала о борьбе членов Союза Благоденствия с исторической концепцией Карамзина, характерен для кампании по борьбе с космополитизмом. Об этом свидетельствует использование ключевого для этого дискурса понятия *космополитизм*, его активное противопоставление понятию *патриотизм*, а также рассуждение о взглядах декабристов в контексте оппозиции *норманизм – антинорманизм*.

Этот дискурс употреблен историком не случайно. Советская историческая наука уже вскоре после Октябрьской революции стала использоваться для решения политических и идеологических задач, одной из основных ее функций было участие в воспитании и просвещении масс [1: 22, 29]. И если изучение дореволюционной истории России первоначально не было в приоритете, то уже в 1930-е годы ситуация изменилась. С этого времени началась ее частичная реабилитация [13].

Реабилитация дореволюционной истории России была связана с актуализацией в официальной идеологии понятия *советский патриотизм*. Это понятие, впервые употребленное в 1934 году, заменило собой понятие красного патриотизма и, в отличие от него, предполагало обращение к истории [9: 50, 60]. В основу патриотической идеи было положено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций прошлого [13: 230]. Историки, не понявшие политического смысла возвращения ко многим национально-историческим традициям, были подвергнуты достаточно грубой критике³.

В период работы Нечкиной над монографией в официальной идеологии был сделан особый акцент на понятии советского патриотизма – в 1948 году началась кампания по борьбе с космополитизмом⁴. Понятие советского патриотизма стало активно использоваться в качестве противопоставления «рабскому преклонению перед Западом».

Как показал А. М. Дубровский, антикосмополитическая линия конца 1940-х – начала 1950-х годов имела ярко выраженный исторический аспект, в непосредственной связи с ее реализацией актуализировались и обострились отношения в системе «власть – историк» [9: 569]. Историки должны были «идти в первых рядах борцов с буржуазной идеологией», приложить все силы к искоренению «космополитических идей и концепций»⁵. В «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» говорилось, что необходимо показывать не только «величие социалистической родины», но и разъяснять, что «наш народ вправе гордиться и своим великим историческим прошлым»⁶.

Для утверждения понятия советского патриотизма и обоснования идеи, согласно которой это понятие имеет под собой историческую почву, нужны были примеры из прошлого. Декабристы, позитивно охарактеризованные самим В. И. Лениным⁷, могли стать таким примером.

В этих условиях советский историк должен был постоянно соотносить прошлое с настоящим. Все это приводило к тому, что разговор о декабристах был полисемантичен по своей сути. Идеология советского патриотизма является тем семиотическим кодом, с помощью которого зафиксированы в тексте монографии Нечкиной культурно обусловленные смыслы. Без учета этого кода повествование Нечкиной о борьбе членов Союза Благоденствия с исторической концепцией Карамзина не может быть понято.

Рассмотрим этот культурный код. Мы будем опираться исключительно на те тексты, которые были, во-первых, опубликованы незадолго до выхода в свет монографии «Движение декабристов» (1955), во-вторых, рассчитаны советскими идеологами на массового читателя, тексты, которые являлись актуальными и известными в конце 1940-х – середине 1950-х годов, то есть во время подготовки и публикации монографии «Движение декабристов». К таким текстам мы относим статью Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм»⁸, опубликованную в общесоюзной газете «Правда» в 1947 году; публичную лекцию кандидата философских наук члена редколлегии журнала «Коммунист» А. И. Соболева «О советском патриотизме»⁹, организованную Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и прочитанную в центральном лектории общества в Москве, а затем опубликованную отдельной брошюрой в издательстве «Правда» в 1948 году; статью «Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны», изданную в журнале «Большевик» в 1948 году¹⁰; статью заведующего отделом печати МИД СССР Г. П. Францева «Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции», опубликованную в 1949 году в газете «Правда»¹¹. Поскольку адресатом монографии были историки, нужно учитывать также тексты, адресованные непосредственно им. В этом смысле сформулированным критериям отвечает статья «О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии»¹², опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1949 году.

Все эти тексты являлись прецедентными в культурной ситуации рубежа 1940-х – 1950-х годов, так как они формировали понятие *советский патриотизм* и раскрывали его семантику. Советский патриотизм назван в них «принципиально новым высшим типом» любви к отечеству. Его формирование ассоциировалось со знаковыми для советской культуры событиями

и явлениями – революцией и формированием принципиально нового социалистического строя: «Советский патриотизм, – говорилось в лекции А. И. Соболева, – сложился в ходе исторической борьбы народов нашей страны за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за ликвидацию эксплуататорских классов, за построение социалистического общества»¹³.

Каковы характерные черты советского патриотизма?

Советский патриотизм включал в себя чувство национального достоинства и чувство гордости за свою страну. Поэтому он предполагал борьбу с норманизмом. Патриот не может быть сторонником норманской теории, так как она, утверждая решающую роль внешнего фактора в процессе становления русской государственности, направлена против чувства национального достоинства. Так, например, в лекции «О советском патриотизме» говорилось, что «иностранные ученые разрабатывали лженаучные, клеветнические “теории” о несамостоятельности русского государственного и культурного развития, о том, что русские по своей природе неспособны самостоятельно управлять страной и создавать материальные и культурные ценности»¹⁴. К числу таких концепций автор относил норманизм: «...немецкий ученый Байер выдвинул пресловутую “норманскую теорию” происхождения русского государства: согласно этой лживой “теории”, будто бы не русские, а варяги создали русскую государственность, и все, чем гордится русский народ, имеет иностранное происхождение»¹⁵.

Напротив, советские идеологи утверждали, что русский народ на протяжении всей своей истории был самостоятелен в культурном, научном и политическом смыслах¹⁶.

Советский патриотизм противопоставлен «безродному космополитизму» западного общества. Идеология космополитизма, отрицающая чувство национального достоинства, является весьма опасным оружием: «Вред и опасность проповеди космополитических идей, – говорится в статье “О задачах советских историков...”, – заключается в том, что они направлены против советского патриотизма, что они подрывают дело воспитания советских людей в духе патриотической гордости за нашу социалистическую Родину, за великий русский народ»¹⁷. «Космополитизм – это оборотная сторона буржуазного национализма», – отмечал Г. П. Францев¹⁸.

Кроме того, в качестве необходимого элемента в понятие *советский патриотизм* входит идея борьбы с самодержавием. Согласно текстам, изданным в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, процесс формирования советского патриотизма начался задолго до октября 1917 года и был связан с развитием революционного движения в стране: «Советский патри-

отизм, – утверждал А. И. Соболев, – сложился в ходе исторической борьбы народов нашей страны за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за ликвидацию эксплуататорских классов, за построение социалистического общества»¹⁹. Самодержавие является внутренним врагом, поработившим народ. Поэтому каждый истинный патриот должен вести против него непримиримую борьбу. «На протяжении многих столетий, – говорилось в лекции “О советском патриотизме”, – патриотические чувства русского народа (который к тому же не был единым, социально однородным), его ненависть к чужеземным угнетателям и героическая борьба с ними не находились в тесной связи с ненавистью, которую он питал к внутренним угнетателям и поработителям, с борьбой, которую он вел против собственных эксплуататоров. Эти две стороны всякого истинного патриотизма: ненависть и борьба с внешними поработителями, а также ненависть и борьба с внутренними поработителями – существовали раздельно»²⁰.

Понятие *советский патриотизм* включало в себя, таким образом, в качестве необходимой составляющей еще и идею революционной борьбы за освобождение народа от «внутренних угнетателей»²¹. Только настоящий революционер может быть патриотом, и наоборот, если человек является истинным патриотом, то он должен быть революционером.

В советской идеологии была четко сформулирована оппозиция: есть либо истинный советский тип патриотизма, который ассоциируется с большевиками, либо псевдопатриотизм буржуазии и «раболепие перед Западом» русского дворянства.

Советский патриотизм понимался не просто как социалистический вариант любви к отечеству, а как единственно верный, истинный тип патриотизма. Советские идеологи утверждали, что за рубежом никакой любви к отечеству не существует. Понятие *патриотизм* используется там лишь в качестве прикрытия для разного рода националистических концепций. Так, например, Д. Т. Шепилов писал: «В целях одурачивания народных масс идеологи буржуазии не прочь пожонглировать словами “родина”, “патриотизм”, “отчизна”»²². На этом основании автор делает вывод, согласно которому «мнимый патриотизм буржуазии является на самом деле шовинизмом»²³. Сходные мысли обнаруживаем и у А. И. Соболева: «Извращая идею патриотизма, полностью уничтожая всякое прогрессивное содержание патриотических лозунгов, идеологи буржуазии создали расовые, шовинистические, националистические теории, проповедующие ненависть одной нации к другой, разжигающие вражду между народами»²⁴; «...все “теории” расизма, шовинизма, национализма есть лжепатриотические, они служат идеологическим оружием

буржуазии в борьбе за угнетение своего и других народов»²⁵.

Советский патриотизм противопоставлен в интересующих нас текстах не только «буржуазному псевдопатриотизму» XX века, но и чувству «раблепии перед Западом», характерному для «господствовавших классов» дореволюционной России. Согласно советской идеологии, дореволюционное дворянство было полностью лишено патриотического чувства. Для него были характерны «антинародность и антипатриотизм»²⁶, дворяне «пресмыкались перед своими западноевропейскими компаньонами, находясь от них в экономической зависимости»²⁷. «Оторванные от народа и глубоко чуждые ему правящие классы царской России, – отмечал Д. Т. Шепилов в статье «Советский патриотизм», – не верили в творческие силы русского народа и обрекали его на вечную кабальную зависимость от заграницы. <...> Лишенные национального достоинства и гордости, рассматривая народ как “быдло” и “чернь”, они культивировали среди русской интеллигенции взгляды о неполноценности нашего народа, о способности России лишь волочиться за буржуазным Западом, слепо подражать западноевропейским образцам»²⁸.

Советский патриотизм, напротив, ассоциируется партийными идеологами с большевиками. Именно большевики соединили «две стороны всякого истинного патриотизма» – борьбу с внешним и внутренним врагами – и благодаря этому сформулировали идею истинного патриотизма. «Большевики, – отмечал А. И. Соболев, – ясно указали, что истинная любовь к Родине, к ее народу и ее культуре органически включает в себя ненависть к угнетению не только национальному, но и социальному, что подлинная защита интересов народа и забота о процветании Родины возможны только в решительной и беспощадной борьбе с эксплуататорами, с эксплуатацией человека человеком, в борьбе и за национальную и за социальную свободу»²⁹. Кроме того, большевики постоянно боролись против антипатриотической идеологии: «Партия большевиков на всем протяжении своей деятельности решительно боролась против буржуазного национализма, против малейших проявлений космополитизма», – отмечал Г. П. Францев³⁰.

В рамках этого культурного кода антинародизм, антикосмополитизм, революционность являются знаками истинного патриотизма, кроме того, это знаки, которые позволяли отделять в советской культуре своих от чужих: патриотов от космополитов, а в исторической перспективе – прогрессивные силы от реакционеров царской России³¹.

В этом контексте патриотизм декабристов, в том виде, в каком он изображен Нечкиной, не

похож ни на «буржуазный псевдопатриотизм», ни на «раблепию перед Западом» русского дворянства. Декабристский патриотизм обнаруживает несомненное сходство с понятием истинного патриотизма, которое зафиксировано в прецедентных текстах советской эпохи. В обоих случаях патриотизм противопоставлен космополитизму и норманизму, в обоих случаях патриотизм включает в себя идею революционной борьбы с самодержавием. Типологически совпадая с советским патриотизмом, патриотизм декабристов в рамках советского культурного кода приобретает позитивную коннотацию истинности.

Благодаря тому, что декабристы, в отличие от представителей своего сословия, отказались «пресмыкаться перед Западом», активно выступив за утверждение чувства национального достоинства, их образ не совпадает с образом дореволюционного дворянства. Повествование о борьбе декабристов против концепции Н. М. Карамзина коннотирует идею исключительного положения декабристов в дворянском сословии – в советской культуре они исключаются из категории «они» (антинародные, антипатриотические силы дореволюционной России, представленные «господствующими классами»). Одновременно декабристы как настоящие патриоты включаются в советской культуре в категорию «мы». Члены Союза Благоденствия точно так же, как и большевики, сумели объединить патриотизм с идеей борьбы против «внутреннего врага».

Текст советского историка, таким образом, построен по принципу многоярусной семантики³². Один и тот же план выражения содержит на разных смысловых уровнях текста различное содержание. На уровне первичной знаковой системы, представленной естественным языком, на котором Нечкина вела повествование, выражен буквальный смысл. Культурно обусловленные смыслы выражены в тексте на уровне вторичной знаковой системы, представленной идеологией советского патриотизма.

Изучение коннотативных смыслов в работе Нечкиной важно для понимания механизма формирования советского образа декабристов: он формировался на основе соединения научного и культурного кодов. Культурно обусловленное содержание формировалось во многом благодаря самой форме повествования: дискурс, использованный автором монографии, обеспечивал актуализацию в тексте официальных идеологем и запуск механизма проведения интертекстуальных связей. Погружение повествования советского историка в контекст работ, изданных в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, приводило к включению в него культурно обусловленных смыслов, что и формировало советский образ декабристов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Далее цитируется по данному изданию с указанием в круглых скобках страницы.
- ² Современная семиотика выделяет в языке два плана – денотативный и коннотативный [16: 11]. Коннотативные смыслы, в отличие от денотативных, которые зафиксированы в словарях, не фиксируются ни в словаре, ни в грамматике языка, на котором написан текст [5: 425]. Они «прямо не называются, а лишь подразумеваются и поэтому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих» [17: 18]. Их актуализация зависит от энциклопедии знаний читателя, которая формируется на основе уже прочитанного. Согласно Умберто Эко, «чтение любого текста зависит от опыта читателя по чтению других текстов» [21: 43]. Поэтому актуализация коннотаций имеет интертекстуальный аспект.
- ³ Критике подверглись историки Г. С. Фридлянд и Н. Н. Ванаг [15: 227–228]. Тот факт, что М. В. Нечкина завершила работу над монографией и издала ее уже после смерти В. И. Сталина, не отменял необходимости следовать руководящим указаниям партии – даже в середине 1950-х – середине 1960-х годов историкам удалось получить лишь относительную свободу [19: 266]. Однако нужно отметить, что погружение исторических взглядов декабристов в контекст идеи кампании по борьбе с космополитизмом в середине 1950-х годов уже выглядело анахронизмом. К примеру, тема декабристской борьбы с исторической концепцией Н. М. Карамзина привлекала внимание другого видного советского историка А. В. Предтеченского. В «Очерках истории исторической науки в СССР» (1955) он рассуждал о борьбе декабристов против исторической концепции Карамзина без каких-либо отсылок к кампании по борьбе с космополитизмом (Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 288–303). Зависимость Нечкиной от уже устаревшего к середине 50-х годов антикосмополитического дискурса связана, вероятно, с тем, что текст монографии долго писался. Еще рецензент монографии С. Б. Окунь заметил, что в тексте содержатся фрагменты, написанные в разное время, которые в ряде случаев даже противоречат друг другу (Окунь С. Б. Рецензия на книгу: М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I. 480 с.; Т. II. 504 с. М.: Изд-во АН СССР, 1956 // Вопросы истории. 1955. № 10. С. 158).
- ⁴ С. Б. Окунь отмечал, что исследование Нечкиной «является итогом тридцатилетней работы автора над всем комплексом проблем, связанных с выступлением первых дворянских революционеров» (Окунь С. Б. Указ. соч. С. 152). Разумеется, непосредственная работа над текстом заняла меньший срок. Согласно дневникам Нечкиной, работа над текстом началась на рубеже 1940-х – 1950-х годов. Так, например, запись в дневнике от 30 января 1950 года: «Работала (впервые после долгого перерыва, вызванного учебником!) над монографией “Движение декабристов”». Согласно дневнику учебного, работа над текстом монографии шла также в ноябре и декабре 1951 года (Нечкина М. В. Деловые дневники: 1919–1984 гг. // «И мучилась и работала невероятно...»: Дневники М. В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. С. 370, 371).
- ⁵ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 10, 13.
- ⁶ План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ агитпропа ЦК // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 112.
- ⁷ Декабристы, согласно В. И. Ленину, стояли у истоков русского освободительного движения и впервые сформулировали республиканскую идею (Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1972. Т. 6 : Январь – август 1902. С. 319; Ленин В. И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1976. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912. С. 261). Как борцы с самодержавным насилием декабристы отмечены В. И. Лениным в одном ряду с Радищевым, народниками и большевиками: «Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» (Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т. 26: Июль 1914 – август 1915. С. 107).
- ⁸ Шепилов Д. Советский патриотизм // Правда. 1947. 11 авг. С. 2–3.
- ⁹ Соболев А. И. О советском патриотизме: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве. М.: Правда, 1948.
- ¹⁰ Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1945. № 10. С. 3–12.
- ¹¹ Францев Г. П. Космополитизм – идеологическое оружие американской реакции // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 370–376.
- ¹² О задачах советских историков... С. 3–13.
- ¹³ Соболев А. И. Указ. соч. С. 3.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См., например: Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1948. № 10. С. 3–12.
- ¹⁷ О задачах советских историков... С. 4.
- ¹⁸ Францев Г. П. Указ. соч. С. 371.
- ¹⁹ Соболев А. И. Указ. соч. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 11.
- ²¹ Официальное содержание понятие патриотизм было дополнено идеей революционности еще в 1940-е годы. Отсутствие связей в литературных и научных сочинениях между чувством государственного патриотизма и революционными традициями стало вызывать беспокойство аппарата ЦК. Власть предприняла ряд мер для решения этой проблемы [3: 49]. В частности, на знаменитом совещании по вопросам истории в ЦК ВКП(б) в 1944 году, участие в котором принимала М. В. Нечкина, был поднят вопрос о развитии русского национального самосознания и его связи с «героическим прошлым» народа, под которым понималось в том числе русское революционное движение (Стенограмма по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 79).
- ²² Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Соболев А. И. Указ. соч. С. 17.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Шепилов Д. Указ. соч. С. 2.
- ²⁷ Там же. С. 4.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Соболев А. И. Указ. соч. С. 18.
- ³⁰ Францев Г. П. Указ. соч. С. 376.

- ³¹ Согласно А. М. Дубровскому, понятие патриотизма было связано с чувством социального превосходства над «буржуями», которое видно в ряде политических выступлений И. В. Сталина. Характерная для этих выступлений оппозиция «мы» – «они» строится на основе этого чувства [9: 44–45].
- ³² В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [18: 286]. По такому принципу построены, например, художественные тексты [4], [6]. И. Н. Данилевский показал, что повествование о прошлом (летописи) строится подобным образом [8: 179].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 13–51.
2. Амиантов Ю. Н. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Вступительная статья // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–54.
3. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
4. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
5. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
6. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
7. Белоусов М. С., Цамутали А. Н. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2015. Вып. 4. С. 5–19.
8. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
9. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
10. Жуковская Т. Н. А. А. Пресняков – декабрист // Третьи Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня в Михайловском замке: Материалы научной конференции. СПб.: Конترفос, 1997. С. 81–87.
11. Жуковская Т. Н. А. Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию Р. Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
12. Жуковская Т. Н. Павел I и Александр I в лекционных курсах 1930–1950-х годов А. В. Предтеченского и С. Б. Окуня // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 10–21.
13. Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
14. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22.
15. Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50.
16. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
17. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг. – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
19. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГТУ, 2005. 502 с.
20. Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 550 с.
21. Эрлих С. Е. Из позднесоветской истории декабристского мифа // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 93–102.
22. Эрлих С. Е. История мифа («Декабристская легенда» Герцена). СПб.: Алетейя, 2006. 268 с.
23. Breisach E. On the Future of History: the Postmodernist challenge and its aftermath. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
24. Iggers G. Historiography in the Twentieth Century – From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
25. Казьмирчук Г. Д. Декабристы. Историография проблемы. 1917–1935 pp. Киев, 1994. 125 с.
26. Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В. Концепція «українського декабризму» // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. Київ, 2011. С. 5–21.
27. White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Kamenev E. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**“SOVIET PATRIOTISM” OF DECEMBRISTS:
M. V. NECHKINA'S NARRATION ON THE STRUGGLE OF THE MEMBERS OF THE UNION
OF PROSPERITY AGAINST N. M. KARAMZIN'S HISTORICAL CONCEPTION**

The article is devoted to the study of connotative meanings in M. V. Nechkina's narration on the struggle of the members of the Union of Prosperity against N. M. Karamzin's historical conception. M. V. Nechkina described this struggle in her monograph “The Decembrist Movement” (1955). The article shows that the text of the Soviet historian is built on the principle of multilevel semantics: in addition to the literal there is also a culturally-based meaning. The culturally-based content was formed due to the very form of narration. The Soviet historian talked about the struggle of the members of the Union of Prosperity against Karamzin's historical conception within the discourse of the Soviet campaign against cosmopolitanism. The discourse used by the author of the monograph provided actualization of the official Soviet ideologemes in the text and set up a mechanism of intertextual connections. Immersion of the Soviet historian's narrative into the context of the Soviet ideology ensured inclusion of connotative meanings in its course. In particular, the concept of Decembrist patriotism in Nechkina's monograph reveals an undoubted similarity to the concept of the

Soviet patriotism, which was written down in the texts published as a part of the campaign against cosmopolitanism. Typologically coinciding with the Soviet patriotism, the Decembrist patriotism within the framework of the Soviet cultural code acquires positive connotation of the truth, and the Decembrists are interpreted as fighters with cosmopolitanism. Due to this, they are included into the category of “our own” within the framework of the Soviet culture. The study of connotative meanings in Nechkina’s monograph is essential for the understanding of the formation mechanism of the Soviet image of Decembrists. This image was formed on the basis of combination of scientific and cultural codes. An important tool for its formation was the use of connotative meanings and implementation of intertextual connections.

Key words: the Decembrists movement, M. V. Nechkina, Soviet anti-cosmopolitanism campaign, semiotics, intertextuality, connotation

REFERENCES

1. Alekseeva G. D. The October Revolution and Historical Science [Oktyabr'skaya revolyutsiya i istoricheskaya nauka]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 13–51.
2. Amiantov Yu. N. Transcript of the meeting on the history of the USSR in the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in 1944. Introductory article [Stenogramma soveshchaniya po voprosam istorii SSSR v TsK VKP(b) v 1944 godu. Vstupitel'naya stat'ya]. *Voprosy istorii*. 1996. № 2. P. 47–54.
3. Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: Vzlet i padenie metafor* [History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. 400 p.
4. Barthes R. Elements of Semiology [Osnovy semiologii]. *Barthes R. Nulevaya stepen' pis'ma*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. P. 275–352.
5. Barthes R. Textual analysis of the tale by Poe [Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po]. *Barthes R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989. P. 424–461.
6. Barthes R. *S/Z* [S/Z]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 232 p.
7. Belousov M. S., Tsamutali A. N. 190 Anniversary of Decembrist Uprising [190-letie vosstaniya dekabristov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Series 2: History. 2015. Issue 4. P. 5–19.
8. Danilevskiy I. N. *Povest' vremennykh let: germeneyticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: the hermeneutical bases of chronicles]. Moscow, Aspect-Press Publ., 2004. 370 p.
9. Dubrovskiy A. M. *Istoriya i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gody)* [Historian and Authority: the Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930–1950)]. Bryansk, Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I. G. Petrovskogo, 2005. 800 p.
10. Zhukovskaya T. N. A. A. Presnyakov – the Historian of the Decembrists Movement [A. A. Presnyakov – dekabristoved]. *Tret'i Martovskie chteniya pamyati S. B. Okunya v Mikhaylovskom zamke: Materialy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, Kontrfors Publ., 1997. P. 81–87.
11. Zhukovskaya T. N. A. E. Presnyakov and Marxism: the experiment of historiographical demythologization [A. E. Presnyakov i marksizm: opyt istoriograficheskoy demifologizatsii]. *Rossiya v XIX–XX vv.: Sb. st. k 70-letiyu R. Sh. Ganelina*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1998. P. 28–40.
12. Zhukovskaya T. N. Paul I and Alexander I in lecture courses of A. V. Predtechensky and S. B. Okun [Pavel I i Aleksandr I v lektsionnykh kursakh 1930–1950-kh godov A. V. Predtechenskogo i S. B. Okunya]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2012. № 11. P. 10–21.
13. Konstantinov S. V. Pre-revolutionary history of Russia in the ideology of the AUCP (b) 30-ies [Dorevolutsionnaya istoriya Rossii v ideologii VKP(b) 30-kh gg.]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 217–243.
14. Kosikov G. Ideology. Connotation. Text [Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst]. *Barthes R. S/Z*. Moscow, Editoreal URSS Publ., 2001. P. 7–22.
15. Kosikov G. Roland Barthes – a semiotician and a theorist of literature [Roland Bart – semiolog, literaturoved]. *Barthes R. Nulevaya stepen' pis'ma*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. P. 5–50.
16. Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2002. 544 p.
17. Sidorova L. A. A period of the Thaw in historical science. Mid-50's – mid-60's [Ottepel' v istoricheskoy nauke. Seredina 50-kh gg. – seredina 60-kh gg.]. *Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke*. Moscow, Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Skriptoriy” Publ., 1997. P. 244–268.
18. White H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-century Europe]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2002. 528 p.
19. Eco U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations of the text's semiotics]. Moscow, RGGU Publ., 2005. 502 p.
20. Erlikh S. E. *Voyna mifov. Pamyat' o dekabristakh na rubezhe tysyacheletiy* [War of myths. The memory about Decembrists at the turn of millennium]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. 550 p.
21. Erlikh S. E. From the late-Soviet history of the Decembrist myth [Iz pozdnesovetskoy istorii dekabristskogo mifa]. *Ural'skiy istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. 2015. № 1 (46). P. 93–102.
22. Erlikh S. E. *Istoriya mifa (“Dekabristskaya legenda” Gertsena)* [The history of the myth (“The Decembrist legend” of Herzen)]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2006. 268 p.
23. Breisach E. *On the Future of History: the Postmodernist challenge and its aftermath*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
24. Iggers G. *Historiography in the Twentieth Century – From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
25. Казьмирчук Г. Д. Декабристи. Історіографія проблеми. 1917–1935 рр. Київ, 1994. 125 с.
26. Казьмирчук Г. Д., Латиш Ю. В. Концепція «українського декабризму» // «Українські декабристи чи декабристи на Україні?»: Рух декабристів очима істориків 1920-х років. Київ, 2011. С. 5–21.
27. White H. *Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore, London: The John Hopkins University Press, 1990. 244 p.

Поступила в редакцію 23.11.2016